

Шань Шубай бережно держал в руках новенький смартфон, осторожно касаясь кончиками пальцев гладкого экрана, словно тот был хрупким драгоценным камнем.

Внезапно сзади на него повеяло теплом — Се Шицин обнял его, заключив в кольцо своих рук, и привычно положил подбородок ему на плечо.

— Это Вичат, — длинные пальцы накрыли его ладонь, направляя движение, — нажми сюда, чтобы отправить голосовое сообщение.

Горячее дыхание коснулось уха, заставив Шань Шубая вздрогнуть. Тот был настолько поглощен изучением интерфейса, что не заметил, как Се Шицин глубоко вдохнул, впитывая тонкий аромат личи и жасмина, исходящий от юноши. Запах напоминал цветы, покрытые утренней росой в начале лета, — так и хотелось прикоснуться к ним губами.

— Запомнил? — голос Се Шицина слегка охрип.

Шань Шубай кивнул и, внезапно обернувшись, протянул ему телефон:

— Хочу номер брата.

Солнечный свет падал сбоку, подчеркивая крошечные тени от его ресниц. Се Шицин сглотнул, и, принимая смартфон, намеренно коснулся пальцев юноши. Он быстро вбил свой номер, в графе контактов подписал «Брат», а затем тайком добавил его в избранное.

— Наивно, — пробормотал Шань Шубай, но прижал телефон к груди.

Заметив, как Се Шицин приподнял бровь, он тут же добавил:

— Но всё, что нравится брату, нравится и мне.

Кто бы смог устоять перед таким?

Се Шицин резко выпрямился, похлопав его по спине, чтобы скрыть вспыхнувшие уши:

— Пойдем, накормлю тебя чем-нибудь вкусным.

— Хорошо! — глаза Шань Шубая засияли, а в голосе послышались радостные нотки.

Он семенил следом за Се Шицином, не замечая, что тот постоянно держит ладонь у него на пояснице, словно рыцарь, оберегающий свое сокровище. Проходя по коридору торгового центра, Се Шицин наблюдал за юношей в отражении витрин: Шань Шубай с любопытством

оглядывался по сторонам, слегка шевеля носом, словно уже учуял аромат еды. Солнечный свет окаймлял его пушистым золотистым ореолом, делая похожим на ребенка, который только что получил конфету.

Се Шицину вдруг захотелось, чтобы эта дорога никогда не заканчивалась. Его маленькая роза должна быть окружена заботой и познать всю сладость мира.

Он не повел Шань Шубая в дорогой ресторан. Даже если бы юноше там понравилось, узнав о крошечных порциях за баснословные деньги, он, при всей своей неторопливости, наверняка возмутился бы такой расточительности.

Поэтому —

Се Шицин стоял у входа на улицу закусочных, глядя на клубы пара под неоновыми вывесками, и уголки его губ невольно поползли вверх.

Дорогой ресторан? Разве может такая вычурная клетка с четырехзначным чеком сравниться с его маленькой розой?

— Брат! — Шань Шубай внезапно ухватился за его руку, его глаза сияли, словно в них отразились все звезды. — Там такаяки!

Не дожидаясь ответа, он сорвался с места, как резвый кролик. Се Шицин не спеша последовал за ним, не сводя глаз с прыгающей фигурки — Шань Шубай останавливался у каждого прилавка, прижимаясь носом почти вплотную к стеклянной витрине и разглядывая еду так, словно это был шедевр живописи.

— Хочу это! Ой, и это тоже хочется попробовать...

Каждый раз, когда Шань Шубай оглядывался, он неизменно встречался с улыбающимся взглядом Се Шицина, который уже держал наготове телефон для оплаты.

После трех или четырех точек юноша наконец опомнился. Протянув ему жареного кальмара, он прошептал:

— Брат, откуда ты знаешь, что именно я хочу?

Се Шицин приобнял его за талию:

— Твои глаза умеют говорить.

Стоило юноше задержать взгляд на прилавке, как его ресницы едва заметно дрожали.

Прохожие невольно расступались перед ними. Студенты безошибочно считывали исходящую от высокого мужчины угрозу — он улыбался, но в его глазах читался взгляд хищника, охраняющего добычу, а рука, покоящаяся на пояснице юноши, демонстрировала собственничество, которое ощущалось даже на расстоянии трех метров.

Так продолжалось, пока дорогу им не преградил парень с крашенными в блонд волосами.

— Обменяемся вичатами? — он потряс телефоном, и запах его одеколона заставил Шань Шубай отступить на полшага. — Я угощу тебя...

Он не успел договорить, как в разговор вмешалась чья-то костистая рука. Се Шицин, непонятно когда оказавшийся за спиной юноши, положил подбородок ему на макушку и лениво поднял их сцепленные руки:

— У моего малыша слабый желудок, он не ест то, что дают чужие люди.

Блондин побледнел и поспешно ретировался. Шань Шубай поднял голову и утонул в глубоком взгляде Се Шицина. Уличные фонари отражались в его глазах, словно раздувая скрытое пламя.

— Брат...

— Тсс, — Се Шицин, не меняя позы, наклонился и забрал губами моти прямо из его рук.

Сладкая начинка из красной фасоли растаяла на языке — вкус оказался даже лучше, чем он ожидал.

— Лянпи с начинкой! — простодушный юноша даже не заметил, как сменилась тема.

Откусив кусочек, Шань Шубай зажмурился от удовольствия: остро-пряный и нежный вкус взорвался на языке. Когда он, набив щеки, оглянулся в поисках следующей цели, то снова наткнулся на пристальный взгляд Се Шицина. Мужчина прислонился к фонарному столбу, и теплый свет сделал его резкие черты лица мягче, а улыбка в его глазах была горячее летней ночи.

Шань Шубай, не раздумывая, протянул ему надкусанный лянпи:

— Это очень вкусно!

Се Шицин послушно наклонился и сделал еще один укус, оставив след рядом с отпечатком

зубов юноши. Кончик его языка уловил вкус кунжутной пасты вперемешку с едва уловимой сладостью самого Шань Шубая — это оказалось куда более притягательным, чем он мог вообразить.

— Вкусно, — хрипло произнес он, не сводя глаз с покрасневших от остроты губ юноши.

Шань Шубай хотел продолжить трапезу, но внезапно замер, глядя на ляньпи — два отпечатка зубов тесно соприкасались, а соус в месте их слияния влажно поблескивал. В памяти всплыли кадры: тетя, разбивающая чашку, к которой он прикоснулся; кузен, выбрасывающий яблоко, которое он надкусил; слуги, выливающие суп, который он «загрязнил»...

— Что случилось? — Се Шицин почувствовал неладное и отвел его в более уединенный уголок.

— Ты... ты укусил там же, где и я, — голос Шань Шубая дрогнул. — Они называли это помешанностью на чистоте...

Се Шицин внезапно взял его за лицо, осторожно, но настойчиво заставляя поднять голову:

— Слушай, — в глубине его глаз бурлили чувства, которые юноша не мог распознать, — я не они.

Эти слова стали ключом, открывшим что-то внутри. Шань Шубай вспомнил то, что говорила мама, пока была жива: делиться едой — это самый первобытный акт близости.

— Тогда... — его глаза снова засияли, и он поднял ляньпи повыше, — хочешь еще?

Следующие полчаса посетители улицы закусочных стали свидетелями настоящего пира кормления:

— Брат, попробуй это! — жареный глютен в остром перце.

— А-а-а — трубочка с жемчужинами чая.

— Последний кусочек тебе! — надкусанная конфета на палочке.

Се Шицин не отказывался ни от чего, намеренно кусая именно там, где касался Шань Шубай. Когда юноша в третий раз протянул ему последний кусочек вонючего тофу, он внезапно перехватил его за запястье:

— Знаешь, как это называется?

Шань Шубай в недоумении покачал головой, не заметив, как испачкал уголок рта соусом.

— Непрямой поцелуй, — Се Шицин наклонился и стер соус с его губ большим пальцем. — Впрочем...

Не успел он закончить, как неподалеку раздался щелчок затвора. Они обернулись и увидели девушку с фотоаппаратом, которая испуганно поклонилась:

— П-простите! Просто сцена, где вы кормили друг друга, была такой...

Шань Шубай не успел ничего понять, как Се Шицин широким шагом подошел к ней. Юноша нервно сжал край своей одежды, но увидел, что мужчина просто расплатился, а вернувшись, держал в руках полароидный снимок.

На фотографии Шань Шубай протягивал ему шашлык, а взгляд мужчины, устремленный на него, был невероятно нежным.

— Наша вторая совместная фотография, — Се Шицин сунул снимок ему в карман и переплел их пальцы. — Пойдем домой, вставим в рамку?

Шань Шубай энергично закивал, внезапно решив, что эта шумная, наполненная жизнью улица закусочных похожа на сказку больше, чем любая художественная галерея.

<http://bllate.org/book/20752/2080747>